

Я, Митяев Анатолий Васильевич, родился 12 мая 1924 года в селе Ястребни Сапожновского района Рязанской области. Родители: отец Митяев Василий Харитонович, крестьянин-красноармеец, вернувшийся с Гражданской войны, мать Мария Федоровна, учительствовала в местной школе.

Читаю с пяти лет, с той поры помню рассказ О. Генри «Вождь красноножих», подростком читал всего Джена Лондона. С детства хотел стать лесником. Окончив 9-й класс в подмосковном поселке Нязьма, послал документы в лесной техникум Петрозаводска. Началась война. Летом 1942 года записался добровольцем, на третий день пребывания в армии был в бою. Служил орудийным номером в 513-м отдельном гвардейском минометном дивизионе.

Первые публикации — стихи, заметки об армейской жизни — в 1946 году в газете Дальневосточного военного округа «Тревога». С 1950 года работал ответственным секретарем «Пионерской правды», с 1960-го — главным редактором «Мурзилки», позже — главным редактором студии «Союзмультфильм», журнала «Новая Игрушечка».

Член Союза писателей СССР с 1970 года.

По моим сценариям сделано 11 мультфильмов.

Основные книги: «Тысяча четыреста восемнадцать дней», «Шестой-неполный», «Подвиг солдата», «Книга будущих командиров», «Книга будущих адмиралов», «Ветры Нулинова поля», «Громы Бородина», «Рассказы о русском флоте», «Ржаной хлебушно — налачу дедушна». Первыми книгами были сборники сказок.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Вот так лаконично составлял свои жизнеописания Анатолий Васильевич Митяев — и по требованию кадровиков, и для широких публикаций. Хотя в период его самой большой популярности — 70–80-е годы прошлого века — читательскую аудиторию больше занимали мысли, впечатления и мнения автора, и не в первую очередь интересные подробности его биографии.

Всем лично знавшим Митяева были хорошо известны его скромность и душевная деликатность. На профессиональном уровне эти качества вылились в незаурядную писательскую честность. Он не представлял возможным предлагать чьему-либо вниманию свою личность, тем более навязывать себя, ни в жизни, ни для чтения. Даже в тех единичных случаях, когда персонаж говорит от лица автора, Митяев, указывая его место, прекрасно держит дистанцию. Конечно, исторические повествования и публицистика очень одушевлены его личным отношением к происходящему. Но и здесь все — на службу делу, на пользу читателю. Отдельные, строго подобранные вкрапления фактов личной жизни — как вынужденная жертва на алтарь истины: «вот послушайте, я сам видел это, может быть, кое-что вам пригодится для осмысления». Тем не менее такие вот отрывки-воспоминания, а порой и целые сюжеты, встречаются на страницах его книг. Добавим сюда записи и наброски в черновиках и письмах. Да немногочисленные стихотворные миниатюры, которые Анатолий Васильевич тщательно шлифовал на протяжении почти полувека и которые так и остались в рукописи. Все это плюс несколько воспоминаний друзей и коллег, коих мне удалось застать на этом свете, — вот что составило основу его жизнеописания.

Впервые он поверил в искренний интерес публики к конкретным подробностям своей долгой жизни — а следовательно, и общей картины окружавшего его бытия, — во время запоздалой поездки на малую родину, когда уже был преодолен им восьмидесятилетний рубеж. Когда завершена была работа над основными книгами, когда пережил последнюю на земле потерю — распад любимой страны, когда на финишном жизненном круге осилил текст Библии — а на дворе уж стоял XXI век. В вопросах милой его сердцу детской аудитории, в пожеланиях молодых педагогов он пронзительно ощутил новые времена и надвигающийся провал не только в знании, но и в понимании обстоятельств и событий прожитых им лет. Вот тогда-то Анатолий Васильевич отложил затянувшуюся на годы работу над рукописью «Хождения» (которая в итоге осталась неоконченной) и сел за откровенно автобиографический текст. С него я и начинаю нашу композицию... Им же и заканчиваю. Работа оборвалась, едва начавшись. Писатель ушел из жизни, немного не дожив до 84 лет.

Конечно, никакого автопортрета из такой автобиографии не получилось. То, что удалось соединить на этих страницах, мне кажется, может претендовать на некий набросок судьбы щедро одаренного природой человека, сформировавшегося и полноценно прожившего свой век в советский период истории России. А самобытность его таланта, как положено, держит внимание читателя данной рукописи. Провидение определило его в наставники новых поколений нового общества. Оно же, уверена, сохранило в нем до последних дней жизни лучшие черты, изначально присущие всем детям человеческим. И самые первые книги Митяева — сказки для детей. Но он добровольно взвалил на себя тяжелый крест работы военного историка — искать с юным читателем желанную

† Ответственный секретарь «Пионерской правды» А. В. Митяев обсуждает с коллегами манет тену-щего номера. 1956 год

истину в прошедших событиях — «в пыли, в дыму, в пламени», в кровавых итогах войн. Чего это стоило ему, миру неведомо. Ибо сей жребий выпал на долю человека очень доброго, работающего и миролюбивого, воплощения характера его предков — землепашцев срединной России...

Между прочим, названные черты Митяева-человека вовсе не вредили чувству его писательского достоинства: Анатолий Васильевич прекрасно знал цену собственному слову. Очень не просто было ему работать с горе-редакторами, которых всегда хватает. Ведь чем подлиннее дарование, тем более непредсказуемы последствия вторжения в его обитель. Вот и я сегодня, несмотря на сказочно-пушкинские тридцать лет и три года, проведенные нами в согласии и сотрудничестве, вовсе не уверена, что Анатолию Васильевичу не захотелось бы всю эту самостоятельность переделать... Что же мне остается? А остается мне только перечислить тех друзей и коллег Анатолия Васильевича Митяева, чьи воспоминания здесь использованы. И просить читателя о снисхождении к выбранной мною форме подачи разнообразных интересных материалов из архива замечательного писателя и человека.

Ия Пестова

Мы публикуем фрагменты воспоминаний, посвященные Великой Отечественной войне. Полный текст мемуаров Анатолия Митяева — на сайте unost.org

↑ А. Митяев — ученик Сапожновской школы с сестрами Людмилой и Верой. 1934 год

Я жил недалеко от Москвы, в дачном поселке Клязьма. С началом войны, как многие сверстники, пошел на завод в городе Пушкино, был слесарем-монтажником. Под станину лебедки попал средний палец левой руки, сорвало ноготь и кожу. Медики говорили: «Палец оскальпирован». Довольно долго кость обрастала кожей. Было время подумать, что делать дальше. Мой возраст еще не призывался, а война шла. Шло тревожное лето 1942 года. Решил поступать в военное училище. По дороге в Пушкинский горком комсомола встретил одноклассника Бориса Михайлова. Вместе мы попросили в горкоме направить нас в училище.

— Сейчас набора нет, — сказал секретарь, — а вот если хотите учиться и воевать одновременно, направление дадим.

Мы без раздумья согласились и написали заявления. Куда попадем, в какой род войск? Об этом ничего не было сказано. А когда?

— Сегодня к 16:00 явиться в военкомат. Взять полотенце, кружку, ложку.

Мама, сестры, бабушка не могли поверить, что так, вдруг, ухожу. От положенного мне на обед куска хлеба отказался — в армии накормят. Сестры Люся и Вера выдернули мне в дорогу десяток репок...

Офицер военкомата отвез нас и еще нескольких таких же юнцов в Москву, в Измайлово, на пункт формирования части, помещавшийся в школе.

Первым делом была мандатная комиссия. Полковник, выслушав мой рассказ — кто я такой, спросил: — Восемьдесят килограммов поднимешь?

Я молчал, не понимая, при чем тут килограммы. Майор, тоже сидевший за столом, ответил за меня: — Поднимет, парень крепкий.

Оказалось, шел комсомольский набор в части ракетной артиллерии — нового оружия Красной армии. Снаряд «катюши» и весил восемьдесят килограммов.

Тогда же начали применяться «эрэсы», ракетные снаряды для запуска не с машины, а с наземных установок. Калибр снаряда «катюши» 130 миллиметров, дальность полета — свыше десяти километров. Те, что запускались с наземных установок, были калибром 300 миллиметров, дальность полета около трех километров. Весил такой снаряд 100 килограммов, а вместе с ящиком, из которого запускался, — 120. Применялись эти «эрэсы» для стрельбы по укреплениям противника. Сложность стрельбы заключалась в том, чтобы скрытно подвезти пусковые станки и установить на них «эрэсы» под самым носом у немцев. Иначе, если будешь обнаружен, разбомбят, расстреляют из орудий все приготовленное к залпу.

Дивизион имел 24 пусковых станка, на каждом по четыре снаряда, в снаряде свыше 25 килограммов тола – огромная разрушительная сила...

Это все узнаю позже. А в тот долгий летний день нас хорошо покормили, парикмахер армянин снял наши чубы под нулевку и упитанный старшина вывел нашу группу на улицу и приказал собрать окурки под окнами школы. (Насорили из окон верхних этажей прибывшие днем раньше комсомольцы-добровольцы.)

Мы полагали, что нам, добровольцам, оставят прически. Но не оставили. К тому же издевательство – на глазах проходивших москвичей собирать в горсть бычки... И мы наивно решили разойтись по домам – в ограде школы, кроме ворот с часовым, была калитка. Верно, ушли бы, говоря военным языком – дезертировали.

Но тут отворились ворота, ввалилась на школьный двор толпа загорелых людей в выцветших пилотках и гимнастерках, кто в сапогах, кто в башмаках с обмотками. Это были прибывшие прямо с фронта уже обстрелянные солдаты. Смешав их с нами, зелеными, сформировали новую часть – 513-й ОГМД, отдельный гвардейский минометный дивизион.

Как потом выяснится, из действующих частей отдавали не самых воинственных. Не самые воинственные были говорливыми; слушая их рассказы, мы забыли об обеде на толстого старшину.

На следующий день в Измайловском парке обмундировались. По алфавитному списку нас распределили по батареям и взводам. В нашем взводе боепитания оказались Матвеев, Медведев, Мионов, Митяев, Михайлов... Мы с Борисом отправились к командиру дивизиона старшему лейтенанту Куренкову – проситься в разведку. Ответ был такой, что привести его печатно нельзя. Бывалый солдат Петухов, тоже попавший в боепитание, объяснил, что за исключением хозяйственного взвода везде несладко. (Майор Григорий Григорьевич Куренков, молодой, высокий, красивый, отважный, погиб в Восточной Пруссии. Знал, что самоходное орудие немцев «Фердинанд» простреливает перекресток дорог, но надеялся, как бывало прежде, проскочить.)

На станции Московской окружной железной дороги мы погрузились в товарные вагоны. Провожали нас несколько железнодорожных служащих. Гражданских лиц к поезду не подпускали. Небольшой духовой оркестр сыграл нам марш «Прощание славынки»...

В Елец поезд прибыл, когда начало светать. Ехали благополучно, несколько раз останавливались

в пути: приказывали вылезать из вагонов в поле. Опасались бомбежек. На паровозе, на крышах нескольких теплушек дежурили пулеметы.

В яблоневом саду на окраине Ельца я впервые увидел свои «эрэсы». Мы грузили их в автомобили ЗИС-5 – трехтонные и полуторки. Сгрузились в молодом дубовом лесочке. Утро солнечное, тихое. Бессонная ночь сморила нас. Трава на опушке чистая, мягкая. Дремалось. Вдруг метрах в ста ударил снаряд, черный столб земли поднялся над кустами.

И снова все стихло, летали бабочки. Меня потянуло посмотреть, куда ударило. Пошел. Свист нового снаряда остановил меня, я первый раз в жизни плюхнулся на землю. Потом уже, кое-что узнав в артиллерии, определил: немцы пристреливались, брали цель в вилку.

Солнце светило ярче, грело жарко. Сходили на кухню за завтраком. У нас с Борисом был один котелок на двоих. Сели на края ямки, на коленях котелок – две сосиски, белые и толстые макароны. Таких дома давно не пробовали. Не помню, начали мы есть, не начали. По всей опушке загрохотало. Поблизости был плохонький блиндажик. Бросились туда. Там уже был шофер Калашников – пожилой, с лысиной во всю голову. Его била дрожь, да так, что стучали зубы. Я подумал: «Вот трус, повоюй с такими». За мной в узкий проход лез Борис, за ним – огромного роста татарин Исмагилов. Исмагилов прижал к земле ногу Бориса и не понимал, почему тот не пускает его в укрытие. Сцена эта, можно сказать, развеселила меня.

Грохот, как начался внезапно, так и стих. Снаружи послышался стон. Борис, за ним я вылезли из укрытия. К нам подползал солдат. Его рука выше локтя была перебита и волочилась на коже. От моей храбрости ничего не осталось, будто попал я из ледяной воды в кипятки. Или наоборот. А Борис мгновенно сдернул свой брючный (фамильный) пояс, перехватил им руку – остановил кровотечение. До сих пор помню обломок сучка, которым мой друг закрутил перевязку. Прибежал лейтенант военфельдшер, спросил: «Кто перевязал? Ты (посмотрев на Бориса)? Молодец!»

Полторка повезла солдата в госпиталь. Не знаю, как звали раненого, мы еще не успели познакомиться... Раненому многие завидовали – пусть без руки, но отвоевался.

Еще был убит солдат из соседнего взвода.

После артиллерийского огневого налета дивизион (нас около двухсот человек) углубился в лесок. Все начали рить окопчики. Грунт был твердый,

с камнями. Мы с Борисом выкопали неглубокую узкую и короткую яму. Спали в ней валетом, положив ноги друг на друга.

На рассвете меня с казахом Тюлеевым назначили охранять штабеля наших снарядов. Неподалеку от снарядов крытая щель, я, пока на посту Тюлеев, решил вздремнуть. Проснулся от грохота, гремело совсем близко. Мне представился новый огневой налет. Страшно вылезти, ну а если напарник ранен? И тут я слышу спокойный голос:

– Вставай, твоя смена, я отдыхать буду.

Это бьют наши пушки. Я еще не умею отличить взрыв снаряда от выстрела.

Подъезжает наша полуторка. Из кабины – фанерные дверцы, брезентовый верх – выпрыгивает карнач. Приказывает нам с Тюлеевым лезть в кузов. Охранять снаряды остается пост, который сторожил другую сторону штабеля. Я уже знаю, что карнач – это не фамилия какого-либо кавказца, а сокращенно «караульный начальник».

Нас с десяток в кузове. Куда-то едем, торопимся. Дорога на голой возвышенности. То не долетая, то перелетая, то посредине ее методично рвутся снаряды. Спускаемся в широкий и глубокий овраг. Объезжаем подорванный танк. Навстречу – повозка с двумя ранеными, они лежат недвижно. В общем овраг – как улица: по нему движение в оба конца. Пронесся низко «мессершмитт», ударил из пулемета. Через мгновение за ним наш истребитель, зеленый, с красными звездами.

Выехали на дорогу, подъехали к речке. По ее берегу под ветлами окопы, в них солдаты. Это вторая линия нашей обороны. Мы едем дальше. Значит – на первую.

По мосту переехали речку, въехали в село с каменными домами. Остановились на крики: «Воздух! Воздух!» Попрыгали из кузова кто куда. Кинулся я в огороды. В глубокой щели солдат с лошадьё. Хотел туда влезть, а солдат не пустил. Смотрю – пехотинская полевая кухня, под ней квадратиком желтый песочек. Я – под кухню. Там и пережил первую в жизни бомбежку.

Улетели самолеты, но развернулись. Новый заход. Лежу в небольшой воронке – от первого налета. Земля теплая, пахнет гарью. «Юнкерсы» так низко, что ощущаешь напряжение их металла. Сыплют бомбы, бьют из пулеметов.

После третьего захода немцы улетели. У полуторки собрались ребята. Шофер ранен, осколок влип в лопатку. Лежал между стеной дома и колесом.

С передовой едет повозка с термосами.

– Ведро есть? – кричит оттуда человек. – Возил

кашу, а есть оказалось некому... В котелок? Нет, в котелок класть не буду, унителиться некогда.

Нашелся среди своих умеющий водить машину. Едем дальше. Куда? Зачем?

За пшеничным полем, пересеченным двумя траншеями, открылась низина. В ней нацеленные на вершину пологого холма наши пусковые станки. В ящиках снарядов нет, маскировка с пусковых станков сброшена.

Встречаю возбужденного Бориса. Он рассказывает, что было тут утром.

«Огневую позицию спокойно оборудовали (приготовились к залпу, к пуску снарядов).

Ждали команду. Через какое-то время с вершины холма начали отступать наши пехотинцы – не выдержали атаки немцев. Командир дивизиона Алексеев кричит нам:

– Гвардейцы, за мной! Остановим паникеров!

Мы, человек двадцать, побежали навстречу пехоте. А разве их остановишь! Перемешались с ними. Но тут залп. Над головами пошли «эрэсы». Пехота остановилась. Глядят. А как поняли, начали пилотки вверх кидать, повернули обратно. Мы хотели к установкам вернуться, а пехотный командир не пускает, гонит нас дальше, автоматом грозит. Алексеев с ним ругается. В это время на огневую налетели «мессершмитты». В несколько заходов били из пулеметов, мстили нам. Тогда пехота нас отпустила...»

Стало понятно, почему сюда повезли нас, караульных. Огневая позиция осталась без людей: одни с пехотой были в контратаке, другие разбежались во время налета. Потом все собрались.

В расположение дивизиона возвратились без происшествий. Нашим удалось отогнать немцев. Я жалел, что не видел, как вылетают из ящиков «эрэсы», как летят...

Все вроде было хорошо. Собирались обедать. Корнев, доброволец из Москвы, стрелял из карабина по «мессершмитту», пролетевшему над расположением дивизиона. Алексеев набросился на него с пистолетом, грозил застрелить – за то, что демаскирует дивизион.

Корнев плакал, готовился к смерти... (Именем Мити Корнева я назвал героя нескольких рассказов. Алексеев до войны был директором хлебозавода в Москве. Он погиб при штурме Кенигсберга.) Мы, свидетели этой сцены, страдали не меньше ее виновника. Но худшие переживания были впереди.

К вечеру стали говорить, что в дивизион приехали судьи военного трибунала. Будут судить солдата – за мародерство. При пулеметном обстреле с воздуха был убит командир одного из взводов,

25 августа – тревога и боевое задание, первый выезд на боевую позицию. Она располагалась метрах в 600–800 от боевых порядков, но подвезти на машинах громоздкое снаряжение даже ночью не было возможности, поэтому последние полкилометра, соблюдая предельную осторожность и тишину, мы на руках носили установки и снаряды. На наше счастье, обстрела не было, и с рассветом батареи были в боевой готовности. В 6 часов утра 26 августа была дана команда «Огонь!». Два с половиной часа непрерывно била артиллерия. Последними дали залп «катюши» и наши штурмовые «М-30». Кажалось, что на немецкой передовой все выжжено, но поднимающуюся в атаку пехоту встретил ожесточенный огонь. С трудом преодолев первую линию обороны, пехота залегла. Бои продолжались несколько суток. Наши войска, прорвавшиеся на другом участке фронта, попали в окружение. Наступление захлебнулось. В те трагические дни погибла 2-я Ударная армия, ее командующий генерал Власов попал в плен...

Шли день за днем, погода испортилась, ночи стали холодными, а днем часто моросил дождь, я простудился и заболел. На шее вскочило несколько чирьев, я их натер грязным воротником шинели, и шею разнесло так, что я не мог ее повернуть. От выездов на огневые меня освободили, но из наряда я не выходил. И вот стою я как-то на посту у штабного блиндажа. Вижу, в штаб идет капитан Алексеев. Я поприветствовал его «по-ефрейторски» – откинул руку с карабином, а сам стою по стойке смирно и ем его глазами. При этом я как скованный – подбородок прижат к груди, поднять голову не могу из-за опухоли, охватившей всю шею. Поэтому взгляд у меня исподлобья и ничего, кроме физических мучений, не выражает. Тот еще часовой!

– Кто же тебя в наряд назначил? – участливо спросил капитан.

– Старшина, – отвечаю.

– А ну, позови его сюда... – Поняв, что я не собираюсь уходить с поста, он сказал раздраженно: – Иди, позови старшину!

Помня, что всего лишь месяц назад он меня в мирной Москве пристрелить обещал за сон на посту, а здесь фронт, я ответил ему:

– Не положено мне с поста уходить, пока не придет смена.

– Да ладно, иди позови старшину, – говорит, – тут близко...

Передо мной стоял не строгий начальник, облеченный властью, а обыкновенный дядька, глаза добрые, взгляд усталый, видно, ночь не спал. Зна-

чит, думаю, месяц войны не только меня, но и его тоже изменил, по-другому на все смотрит. Отошел на двадцать метров, позвал старшину. Капитан приказал ему отправить меня в госпиталь и больше больших в наряд не ставить. «А где здоровых-то на все наберешься», – подумал я за старшину и почувствовал ему.

После оформления направления в медсанбат меня отвел туда Толя Митяев. Медсанбат располагался в нескольких больших брезентовых палатках. Над палатками виднелся дымок от печек, стоявших там. Внутри – тепло, на брезентовом полу в ряд стоят раскладушки с постелями. Вслед за нами вошел дежурный врач, удивился, что направление подписал не военфельдшер, а политрук, но меня принял.

Я не мог себе представить, что расстанусь с Толей надолго, думал, через неделю снова будем вместе. Даже простились кивком головы: ну, дескать, пока! А оказалось, что случайно встретились только почти через два года, в конце июля 1944-го, на сборном пункте в Люберцах, когда оба собирались поступать в военное училище. Но дороги наши снова разошлись – Толя поехал в Омск, а меня забраковала медкомиссия по зрению, несмотря на горячие уговоры с нашей стороны...

Блокада. 1942. Волховский фронт

Летом 1942 года наш минометный дивизион перебрасывали на Волховский фронт, к Ладожскому озеру, поближе к Ленинграду. На разъезде, в сыром чахлому лесу, поезд остановился. Рядом стоял встречный пассажирский с эвакуированными ленинградцами.

У вагона бродила девушка. Я, восемнадцатилетний гвардеец, уже малость нюхнувший пороху, хотел побалагурить с ней. Она отошла от меня, ни слова не ответив. Это было обидно. Через день-два буду в боях. Подбодрила бы на прощание...

Девушка была толстая. В поношенном, ветхом сером пальто.

Теперь, много лет спустя, я часто вспоминаю тот разъезд, и поздний стыд охватывает меня. Единственное, что оправдывало мою бестактность, – недостаточное знание беды окруженного Ленинграда. Моя ленинградская сверстница к дню нашей встречи перенесла столько бомбежек и артобстрелов, сколько выпадает на долю настоящему фронтовику. Но она еще испытала голод, какого солдат на фронте не испытывал.

И еще я не знал тогда, что, прежде чем высохнуть, человек от голода пухнет.

Хлебная норма первой блокадной зимы сократилась до 125 граммов. Попробуйте, пусть отдаленно, ощутить эту меру на себе. Отрежьте от килограммовой буханки восьмую часть. И не ешьте ничего, кроме этого куска, целые сутки.

У черты преступления.

1942. Волховский фронт

В первые месяцы войны Ленинград был окружен фашистами. Блокаду удалось прорвать лишь в начале 1943 года. Попытки прорыва были и раньше, но неудачные. В одной из них участвовал наш гвардейский минометный дивизион. Оружием у нас были подбоя «катыш», не те, что на автомобилях, а выпущавшие ракеты с земли, с простых рам, сваренных из углового железа. На рамы (по четыре штуки, иногда по восемь – в два ряда) клались снаряды в деревянных пеналах; пеналы служили упаковкой и одновременно стволами. Снаряд весил сто двадцать килограммов – залп дивизиона (несколько сотен единиц) получался разрушительный, равносильный хорошему налету бомбардировщиков.

Когда меня спрашивают о самом памятном дне войны, я вспоминаю не день, а ночь на Волховском фронте. Как-то поздно вечером наш небольшой взвод послали грузить «эрэсы» на автомобиле и везти их к огневой позиции. Хотя летние ночи под Ленинградом светлые, «юнкеры» в это время не летали. Ехали без происшествий заболоченным лесом по лежневке – дороге, собранной из бревен. В одном месте, где дорога вышла на сухой пригорок, остановились, выгрузили снаряды. Грузовики развернулись, поехали за новыми.

А мы начали носить «эрэсы» на огневую позицию – на скат песчаного вала, каким-то чудом возникшего посреди болота. Пенал брали вчетвером, клали на плечи – двое спереди, двое сзади – и брели в вязкой грязи выше колена, цепляясь ногами за корни кустов и кочки. Носить было не так уж далеко, метров двести. Но очень скоро мы выбились из сил. Один из передних споткнулся, упал, и трое не смогли удержать снаряд. Он соскользнул с наших плеч, вдавил беднягу в грязь. Через минуту-другую мы снова – четверо – тащили ношу, черпая голенищами сапог болотную жижу.

Немцы почувствовали движение, начали стрелять из миномета. Мины взрывались в болоте. О минах в те часы, пожалуй, никто из нас уже не думал: энергия в наших телах так истощилась, что хватало ее лишь на то, чтобы передвигать ноги. Занималась утренняя заря, а с ней близилось время залпа

и время вылета вражеских самолетов. Любой ценой надо было носить и носить...

И тут один из нашего взвода исчез. Взводный пошарил по кустам, потихоньку покричал фамилию исчезнувшего. И занял его место в четверке...

Мы успели к сроку. Когда ехали с огневой в расположение дивизиона, в кузове грузовика нас молало, как мешки с соломой; и в такой тряске многие спали беспробудным сном.

Исчезнувший обнаружился в дивизионе. Оказывается, улизнул одним из обратных рейсов, спрятавшись в брезент, чем укрывали снаряды.

Все думали, что беглеца будет судить военный трибунал. Командир дивизиона – он был чуть старше нас, восемнадцатилетних, – поступил мудрее: уговорил начальника разведки взять провинившегося к себе. Солдат тот давно просился в разведку. В новом месте служил хорошо, получил орден. Парень-то был отважный, на войну пошел добровольцем. Все, как говорится, было при нем. Но не хватило терпения исполнять долгую изнурительную и однообразную работу. И он оказался у самой черты.

Что такое сознание?

1943. Северо-Западный фронт

Весной 1943 года в вечернем лесу под Старой Руссой попал я под минометный обстрел. То ли хвостовой частью мины, то ли комком мерзлой земли, а может быть, обломком дерева стукнуло по голове. И боли не чувствовал, и не было в глазах разноцветного фейерверка – он замелькал позже, когда я повторно очнулся. Сознание вернулось только под утро. Мне привиделось, что головы у меня нет, есть нечто коричневое. Но мгновенно пришла мысль: это коричневое не привиделось бы, если бы головы не было. Лежа пощупал шапку, под ней – голову, целую. Двигаться не хотелось. Потом, глядя на едва различимые в сумерках стволы уходящих в небо сосен, пытался размышлять. Ночь я прожил без сознания. Что же такое сознание? Ничего не существовало для меня: ни немцев, ни своих, ни сырого снега подо мной, ни вековых надо мной деревьев. Не тревожился я о маме и сестренках, оставленных в голодном тылу без мужской заботы... Вот, оказывается, как спокойно можно жить, беззаботно. Жить без сознания... Сколько, однако, так проживешь? И зачем мне такая жизнь?..

Прошло какое-то время, и я перестал видеть свет – показалось, что наступила тихая ночь. Когда снова пришел в себя, меня переключивали на носилки санитары.

Справедливость. 1943. Северо-Западный фронт

На фронте хлеб нам выдавали утром, сразу на отделение.

Надо было делить его без весов.

Солдат, у которого был хороший нож, резал буханку равными дольками и раскладывал на плащ-палатке. Когда это дело завершалось, он просил кого-нибудь отвернуться.

– Кому? – спрашивал солдат-хлеборез и указывал ножом на кусок хлеба.

Отвернувшийся называл фамилию. Названный брал свою долю – пайку, как говорили тогда.

Фашисты при случае, когда их и наши траншеи были близко, кричали со смехом: «Рус! Давай хлеб делить. Кому? Ивану!»

Мы и в то голодное время не были жадными или расчетливыми. Жизнями жертвовали ради спасения товарищей. Хлеб же делили с таким тщанием, с такой справедливостью потому, что был он нам не только пищей, но вестью из далекого тыла о трудной жизни наших родных, об их тревожной любви к нам, солдатам, об их терпеливом ожидании нашей победы над врагом.

Десяток минут, ухивших на дележ хлеба, возвращал нас в невысказанно счастливое время – в мирную жизнь.

Артиллерист о летчиках

(из «Книги будущих командиров», 1970).

Северо-Западный фронт

Асом – воздушным снайпером – летчик Александр Константинович Горовец, сбивший в одном бою девять самолетов, прожил совсем недолго. Его настигли вражеские истребители и беззащитного – не осталось ни одного снаряда, ни одного патрона – сбили. Как же жалела его пехота, на глазах которой он доблестно сражался и погиб!..

На войне смерть обычна, но люди все равно остро переживают гибель однополчан. Горькое чувство вызывала смерть и совсем незнакомого летчика. Ты его не знаешь, а скорбишь о нем. Летчик-истребитель гибнет, защищая тебя – пехотинца, артиллериста, танкиста – от бомб.

Сердце заходило в ярости и досаде, когда видел, как «мессеры» расстреливали летчика, выбросившегося с парашютом из подбитого «ястребка».

А вот, дымя и пылая, со страшным гулом самолет врезается в землю. Тогда, хоть и понимал, что беды не поправить, бежал к месту падения, все надеясь помочь верному и неизвестному товарищу.

Недоуменно смотрели, как истребитель во время воздушного боя вдруг выпал из общей карусели своих и вражеских самолетов и начинал в стороне выписывать фигуры высшего пилотажа – срывался в штопор, выходил из него, свечой устремлялся вверх, крутился через крыло... Кого-то осеняла догадка: летчик мертв, а отлаженный самолет сам по воле случайностей вьется в небе, пока не кончится горячее.

Зато какая радость – помочь сбитому живому летчику!..

В промежутках между боями, у костерка или печурки, солдаты любили посудачить, какому роду войск на войне лучше. Все взвешают: у пехоты марши с полной выкладкой, зато окоп рыть только для себя самого; шофер едет, на себе ничего не несет, но и для грузовика копает укрытие; танкиста броня спасает от пуль и осколков, а от фугаса на дороге танк беззащитен...

Вот летчикам никто никогда не завидовал: что паек у них с печеньем, что дают им не махорку, а папиросы, что обмундирование по росту, чистое, суконное, что награда полна грудь. Летчик был выше обычных норм, которыми оценивается на войне человек. Среди всех военных мастеров – танкистов, артиллеристов, разведчиков, среди всех храбрых и безупречных летчик был на первом месте. По праву был.

Как я напугал немцев. 1939–1956. Клязьма, 3-й Белорусский, Берлин

В школе я учился хорошо. Но в седьмом классе увлекся радио: покупал дешевые подержанные детали и делал радиоприемник. В те времена эта вещь была редкой и дорогой. Был в моем распоряжении небольшой стол. На нем лежали – как казалось моим домашним, в беспорядке, – трансформаторы, конденсаторы, сопротивления и прочее, соединенные проводами. Этот натюрморт ловил, с хорошей громкостью, передачи радиостанции Москвы. Сестры и бабушка обходили стол стороной, ничего не касаясь, – знали, что и меня, его хозяина, не однажды било током. Думаю, понятно будет, почему у меня стали появляться тройки. Особенно запустил я немецкий.

Мой радиоприемник совершенствовался. Отец поверил в него и однажды принес от столяра красивый ящик. Однако упаковать в него все бывшее на столе я не смог – началась война, иметь радиоприемники было запрещено.

Как попал на войну, известно. Известно также, что в Белоруссии летом 1944 года было окружено

множество немецких войск. Одни сопротивлялись до последнего, другие выжидали, надеясь на помощь. Третьи, сохраняя жизнь, сдавались в плен.

Как-то ребятам из соседнего дивизиона сдались полтора десятка немцев. Фрицы были не в лучшем виде: обтрепанные, небритые, явно голодные. Стали искать переводчика. Выдвинули, за неимением лучшего, меня. Конечно, я мог спросить имена, место жительства, род войск. На это знаний моих хватало. Этого и ждали от меня мои товарищи. Но я сказал следующее:

«Ди дейтшен зольдатен шрекlich ви вульф.

Во ист дейтше дорт фойер унд блют».

Пленные всполошились. Послышалось: «Гитлер капут! Вир шноссен ниht! Вир зинд арбайтер!»

Мои товарищи недоумевали: «Что ты им сказал? Что они ответили?»

А я сказал:

«Немецкий солдат ужасен как волк.

Где немец – там огонь и кровь».

Вероятно, пленные после таких слов ждали расправы и потому закричали: «Гитлер капут! Мы не стреляли! Мы рабочие!»

Немцев отвели на допрос в штаб бригады. Дальше их путь в числе многих тысяч лежал в лагеря военнопленных. Вполне возможно, что напуганные мною фрицы летом 1944 года были среди 60 тысяч взятых в Белоруссии и проконвоированных по главным улицам Москвы. По 20 человек в шеренге со своими генералами и офицерами три часа шла огромная колонна – напоказ москвичам.

Вернемся к моему немецкому. После войны я намеревался поправиться в этом предмете. Запасся словарями, книгами с несложными немецкими текстами – читал с удовольствием, накапливал слова. Но на самостоятельное постижение грамматики меня не хватило.

По журналистским делам несколько раз ездил я в Германскую Демократическую Республику. Там давали мне переводчика. Но каждый раз получалось, что переводчики были слабые. И я, поскольку знал множество немецких слов, помогал им найти нужное.

Что из моей помощи вышло? Немцы, с которыми общался, посчитали, что я их язык прекрасно знаю, но не признаюсь в этом, скрываю – возможно, чтобы выведать их истинное отношение ко мне или ко всему Советскому Союзу!

Однажды за торжественным обедом нам подали мороженое в высоких и вычурных бокалах. «Их хабе айн турм, / Их бее нах штурм» («У меня башня, я ее штурму»).

Этот стишок, получившийся сам собой, окончательно уверил моих хозяев, что я «подглядывал» за ними. Не сразу я догадался об этом, догадавшись, не стал страдать – всякое бывает. Главный же итог – в том, что любое дело, за которое взялся (к примеру, изучение немецкого) надо делать хорошо. Тогда все и будет в порядке.

Горький хлеб. 1944. Белорусский фронт

Самый горький хлеб я не ел, но видел, как его добывают. Было это опять же на войне, в местности, только что освобожденной от фашистов.

В поле около сгоревшей деревни работали женщины и дети. У них был плуг. К плугу были привязаны лямки: две побольше, три поменьше. В большие впряглись две женщины, в маленькие – трое ребятешек. Они тащили плуг по полю. Еще одна женщина держала плуг за ручки, вела его в борозде.

Нам, солдатам, нельзя было остановиться, чтобы помочь в этой нечеловеческой работе. За грядой бугров гремел бой, и мы торопились туда.

Много ли они вспашут? Потом, после плуга, тащить им по комкам сырой земли борону. Потом посеют руками зерно. И вырастет – только к осени – хлебушек. Сладкий-сладкий. И самый горький.

Горячее желание.

1944. 3-й Белорусский фронт

Во время отступления германских войск по обочинам дорог валялось много всякого добра: сожженные танки, смятые мотоциклы, разбитые грузовики. В памяти запечатлелась опрокинутая повозка и рядом с ней рассыпанные по сухой траве тысячи портретов Гитлера – размером в открытку. Черный клин волос на лбу, усики под крысиным носом.

Фашистского фюрера до этого я видел только на карикатурах и удивился сходству карикатур с портретом. А удивившись, подумал, как человек с такой вот дурашливой физиономией смог затеять такую страшную войну! Помню, от этой мысли стало очень обидно.

И в который уж раз возникло горячее желание каким-либо фантастическим способом попасть в кабинет Гитлера (во сне я уже почти дотягивался до него кулаком!) и рассчитаться с первовинником человеческих бед.

Наивность моего желания заключалась не только в его неисполнимости. Позже пришло прозрение, что виновником человеческих страданий был от-

↑ А. Митяев – командир отделения в 5-м запасном стрелковом полку. Биробиджан. 1945 год

Мне показалось, что на передней машине немцев не видят. Я выскочил из машины, подбежал к задней. Нет, видели. Шофер Саша Малик, не зная, что произойдет через минуту, бережно выводил свою машину на подъем – тяжелый груз, на прицепе неисправный грузовик. Этот момент немцы, видимо, приняли за остановку машин и перестали стрелять. Но машины двигались все быстрее. Выстрелы возобновились. Из двери передней машины помощник командира нашего взвода сержант Гриша Гонтаренко ответил автоматной очередью. Я влез на капот первой машины, расставил ноги, чтобы не загоразивать шоферу дорогу, поставил локти на крыше кабины – приладилась стрелять. Мне все было видно сверху. Моей целью стал немец, отделившийся от бежавших через дорогу. Он лег на шоссе, начал раздвигать сошки ручного пулемета, намереваясь стрелять вдогонку. Мои выстрелы заставили пулеметчика откатиться в кусты на обочине. Через какое-то время мы преодолели подъем и оказались в безопасности.

Снаряды были доставлены на место. Попадание пули не могло взорвать «эрэс». Страшный взрыв мог произойти, если бы пули попали в ящик с взрывателями, от взорвавшегося взрывателя сдетонировали

бы все двадцать «эрэсов». Обошлось. За спасение снарядов Гонтаренко получил орден Красной Звезды, Малик и Митяев – медали «За отвагу».

Тактические занятия на командирском ящике (из «Книги будущих командиров», 1970). Омск

Я вспоминаю капитана Сыровайского, который преподавал в нашем училище – ГМАУ № 2 – тактику. После доклада дежурного он произносил свою обычную фразу: «Ну-с, сегодня мы проведем занятия на командирском ящике».

Капитан придирчиво осматривал стоявший в середине класса ящик, речку, выложенную в нем из стекляшек, леса из зеленой ваты на спичках, песчаные холмики, церквушку, деревянные брусочки домиков с окошками, с красными крышами. И продолжал: «Итак, на северном скате высоты “Огурец”, а по-немецки “Гуркен”, сосредоточилась рота танков противника. Дивизион гвардейских минометов движется из Новоселок, а вернее, из Нойесдорфа... Вы, гвардии курсант (тут называлась фамилия) – командир дивизиона. Мне же придется быть командиром немецкой танковой роты. Противно быть

